ИНТЕРПРЕТАТИВНАЯ ЭТНОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ «ДЕКАЛОГ И ГАРМОНИЗИРУЮЩИЕ ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЕ МАКСИМЫ ДОЛЖЕНСТVOВАНИЯ: АСПЕКТ ВОСПИТАНИЯ»: НА ПРИМЕРЕ МЕМУАРНОЙ ПРОЗЫ УРОЖЕНКИ КИШИНЕВА¹

Жозефина КУШНИР

Институт культурного наследия

CZU:398.2+82.09-3

<https://doi.org/10.52603/9789975351379.31>

**Interpretative ethnological model “decatalogue and harmonizing hermeneutic maxims of obligatoriness: an aspect of upbringing”:
on the example of the memoir prose of a native of Chisinau**

Summary: The interpretive ethnological model “The Decatalogue and Harmonizing Hermeneutic Maxims of Obligatoriness: An Aspect of Upbringing” is developed within the framework of a noetic interdisciplinary system of our four concepts (concept of humanization of myth; concept of megamodern; concept of ethicizing mythological consciousness; concept of aesthetic meaning). This system is based on the works by many outstanding scholars, including the achievements of interpretive (hermeneutic) anthropology by C. Geertz, the ideas of J.J. Wunenburger, K. Hubner, V. Frankl, E. Fromm, N. Berdyaev, J. Ortega y Gasset, K. Jaspers, etc. In the interpretative model, the eight “implicit principles of upbringing (world perception, behavior) according to the Decatalogue” revealed by us are applied: these principles are based on the concept of man and the Universe represented in the Ten Commandments. This model allows examining distinct hermeneutic maxims as a sort of ethnocultural specificity of shaping the epoch of “new humanism for the 21st century” (UNESCO). *A Family Portrait in the Midst of Chisinau Landscape*, memoir prose by Susanna Cuşnir, is examined according to this model. One of the revealed hermeneutic maxims reads: “The Universe is such that man can follow his creative impulses at any age”.

Keywords: interpretive anthropology, noetic system of concepts, harmonizing hermeneutic maxims, Decatalogue, mythological consciousness, “new humanism for the 21st century” (UNESCO)

Описание интерпретативной модели «Декалог и гармонизирующие герменевтические максимы долженствования: аспект воспитания»¹ представлено следующим образом. Пояснено, что такое герменевтическая максима. Дана краткая информация о разработанной нами ноэтической системе концепций, в рамках которой сформирована модель. Приведена общая структура модели: перечислены пункты, ее составляющие. Охарактеризованы используемые термины. Далее применение модели рассматривается на примере исследования мемуарной прозы Сусанны Кушнир «Семейный портрет в кишиневском пейзаже».

¹ Статья написана при разработке проекта 96-PS 20.80009.1606.02: *Evoluția tradițiilor și procesele etnice în Republica Moldova: suport teoretic și aplicativ în promovarea valorilor etnoculturale și coeziunii sociale*.

Понятие «герменевтическая максима»

Герменевтическая максима – такое описание элемента картины мира, формируемой мифологическим сознанием в рассматриваемом нарративе, которое может быть структурировано соответственно герменевтической синтагме «Универсум таков, что...»¹.

Каждая «герменевтическая максима» фактически есть описание того, «что человек действительно думает». Иначе говоря, любая герменевтическая максима есть – по своему определению – некое высказывание, идеально удовлетворяющее тезису Х. Ортеги-и-Гассета: «Важно, чтобы человек в каждом конкретном случае думал то, что он действительно думает» (Ортега-и-Гассет 1997: 313).

«Герменевтическими максимами долженствования» мы называем те из максим, где герменевтическая синтагма «Универсум таков, что...», может и не быть вербализована, но отчетливо подразумевается, причем формирует структуру, которую можно описательно обозначить «Действуй так...».

«Гармонизирующими» мы называем герменевтические максимы, которые представляют собой «проявления такой базовой функции мифологического сознания, как этизирующая гармонизация Универсума» (Кушнир 2000: 302).

Ноэтическая интердисциплинарная система концепций

Ноэтическая система концепций базируется на трудах многих выдающихся исследователей, в том числе на достижениях интерпретативной (герменевтической) антропологии Кл. Гирца, идеях Ж. Ж. Вюнанбурже, К. Хюбнера, В. Франкла, Э. Фромма, Н. Бердяева, Х. Ортеги-и-Гассета, К. Ясперса и других.

Компоненты ноэтической системы концепций:

1) Концепция гуманизации мифа (выявляет базовые закономерности этизирующей функции мифологического сознания)².

2) Концепция мегамодерна³ (рассматривает экзистенциальную структуру современной культурной эпохи).

3) Концепция этизирующего мифологического сознания (системно исследует разноаспектные проявления его гармонизирующей функции).

4) Концепция эстетического смысла (основывается на идее, что суть искусства – это выявление эстетического смысла, то есть частицы смысла как такового, с которой человек вступает в контакт при создании или восприятии произведения искусства⁴).

1 Подробнее см.: (Кушнир 2020). Дефиниция дана в рамках ноэтической системы из четырех концепций, охарактеризованной далее.

2 Подробнее см.: (Cuşnir 2019; Кушнир 2017).

3 Подробнее см.: (Cuşnir 2019a, Кушнир 2019). Концепцию мегамодерна разрабатывает наша творческая группа в следующем составе: Жозефина Кушнир, доктор хабилитат, литератор; Владимир Шиманский, режиссер, актер; Елена Кушнир, режиссер, литератор и Андрей Шиманский, живописец, актер. Группа осуществляет эти разработки и теоретически, и практически – посредством художественных проектов. В их числе: ImproTheatre Studio ZaO; Chisinau Summer Annual Carnival (статус: «туристическая достопримечательность Республики Молдова») etc.

4 Подробнее см.: (Кушнир 2008)

Все четыре концепции базируются на ряде общих ключевых концептов. В их числе: этика как служение защите, развитию сущности человека и мира¹, а не их разрушению; мифологическое сознание (по Ж. Ж. Вюнанбурже и К. Хюбнеру); сакральность (абсолютная значимость) индивидуального начала; смысл; катарсис.

Эти концепты принадлежат к сфере ноэтического, или духовного. Термин «ноэтический» мы применяем вслед за В. Франклом, который предпочитал именно его, поскольку «понятие „духовный“ обычно носит в английском языке религиозную окраску», а между тем: «То, что мы понимаем как ноэтическое <...>, является антропологическим, а не теологическим» (Франкл 2000: 77, 229).

Соответственно и указанную систему, базирующуюся на ноэтических концептах, мы обозначили как «ноэтическую».

Структура этнологической интерпретативной модели «Декалог и гармонизирующие герменевтические максимы долженствования: аспект воспитания»²

1. Приводится формулировка герменевтической максимы, выявленной в результате интерпретативного осмысления нарратива и/или его исследуемого фрагмента.

2. Цитируется фрагмент нарратива, имплицитно или явно формирующий максиму. При необходимости осуществляется его пояснение, приводятся комментарии к нему.

3. Максима соотносится с теми из этнокультуральных констант-концептов, которые с ней коррелируют (они могут быть сокращены или отчасти переформулированы), что обогащает их содержание.

Эти константы-концепты, заранее выявленные в фольклорных текстах этноса, должны: а) быть аксиологическими константами данного фольклора; б) осуществлять базовую функцию мифологического сознания, т.е. этизирующую гармонизацию Универсума.

При исследовании еврейских нарративов используются «бештовские константы-концепты», выявленные нами в еврейском фольклоре.

4. Максима соотносится с соответствующими ей «имплицитными принципами воспитания по Декалогу» (они также могут быть сокращены или отчасти переформулированы), что обогащает их содержание.

1 «Сущность есть то, что человек ощущает как основу своей индивидуальности и Универсума, – основу, которая существует в качестве некоей скрытой бесконечности, позитивной “тонкой реальности” (она ощущается как любовь, созидание, свобода и т.д.). Именно к такому ощущению бесконечности нас отсылают вышеупомянутые эффективные разработки психологов и философов XX века. При этом на уровне сущности есть и неповторимость каждого человека, и общность всех.

Смысл как таковой – это проявление сущности, присутствие бесконечного, притом позитивного, в индивидуальном и конкретном» (Кушнир 2019: 87).

2 Данная модель – особая модификация базовой модели «Осмысление герменевтических максим», разработанной нами для инновационного выявления этнокультуральной конкретики в разнообразных нарративах. См., напр.: (Кушнир 2020b).

5. Рассматриваемая максима соотносится с той или иной из коррелирующих с ней максим, которые сформированы конструктивной философией¹ и в свою очередь коррелируют с какими-либо из «имплицитных принципов воспитания по Декалогу». (Данный пункт используется факультативно).

6. В зависимости от степени своего эмоционального воздействия на воспринимающее мифологическое сознание, которая определяется исследователем интуитивно, герменевтическая максима идентифицируется как «катарсальная» или же как «обыденная».

7. Если максима вербализует не прямой смысл, ради которого создан нарратив, а его «фоновый смысл» (то, что нарратор не акцентирует, воспринимая как само собой разумеющееся), она идентифицируется в качестве «фоновой». (Для выявления этой разновидности герменевтических максим, таким образом, особенно значимым оказывается именно то, что нарратив не вербализует).

8. Для идентификации герменевтической максимы в качестве этнокультуральной конкретики формирования эпохи «нового гуманизма в XXI веке» (ЮНЕСКО) рассматривается вопрос, сформирована ли данная максима мифологическим сознанием в соответствии с его гармонизирующей функцией. Герменевтическая максима, идентифицированная как гармонизирующая, вводится в Каталог герменевтических максим, нами формируемый.

Таким образом, рассматриваемая модель исследования содержит восемь пунктов; пятый из них факультативен; седьмой упоминается исследователем лишь в случае, если максима интерпретируется им как «фоновая»; восьмой может применяться к группе рассматриваемых нарративов интегративно.

Пояснения к терминам: «имплицитные принципы воспитания (мироощущения, поведения) по Декалогу»

«Имплицитные принципы воспитания (мироощущения, поведения) по Декалогу» (они базируются на той концепции человека и Универсума, которая представлена в Десяти Заповедях) таковы²:

- «1. Повышенное внимание к этической проблематике.
2. Устремленность к развитию, углублению, осмыслению контакта со светлой сущностью бытия.
3. Устремленность к развитию и использованию интеллекта.

1 «<...> можно идентифицировать существование особого направления в современной философии, которое способствует развитию мегамодерна. Мы дали ему название “конструктивная философия”. Это понятие включает в себя: а) совокупность тех аспектов философии, которые, разрабатывая концепты “смысл”, “истина”, “бесконечность”, “сущность”, “творчество”, “искусство” и т.п., de facto создают концепцию бесконечности как некоего сущностного светлого начала, творящей основы мира, практически равнозначной бесконечности любви; б) результаты системного развития подобных разработок с учетом закономерностей мифологического сознания, которые обусловлены его функцией этизирующей гармонизации Универсума, выявленной в рамках концепции гуманизации мифа» (Кушнир 2019: 86-87).

2 Эти восемь принципов представляют собой и базовые принципы еврейского воспитания; подробнее см.: (Кушнир 2020 с).

4. Устремленность к тому, чтобы учиться, а также и учить тому, что удалось узнать.

5. Гуманизм, понимаемый как дальнейшее осмысление концепции человека в качестве существа абсолютной значимости, сакрального, единосущностного бесконечности; она ощущается как истинная сущность бытия – светлая, творящая все хорошее, равнозначная бесконечности любви.

6. Предписание к совершению поступков (на физическом и на метафизическом уровне), устремленных к этизирующей гармонизации Универсума.

7. Ощущение полной свободы, в том числе свободы мысли. Предписано именно то, чего по сути хочешь сам, и фактически обещана абсолютная поддержка со стороны бесконечной силы.

8. Зачастую неосознаваемая чуткость к поощрительному, метафизически ощущаемому отклику Бога (этики) на индивидуальный выбор конкретного человека. Человек начинает ощущать: избранность для своего уникального этического пути; мощную поддержку Бога на избранном этическом пути; и даже – что эта поддержка распространяется на его потомков и единомышленников» (Кушнир 2020а: 27).

Пояснения к терминам: «бештовские константы-концепты»

«О том, что указанные наития Декалога прорабатывались и народным еврейским мифологическим сознанием, убедительно свидетельствует описанное далее содержание особых гармонизирующих констант-концептов, которые мы выявили при исследованиях хасидского фольклора. Мы назвали их “бештовскими константами” – по имени Исроэля Баал-Шем-Това (или Бешта), “доброго чудотворца” и религиозного мыслителя, чья личность определила собой специфику хасидских историй и ее влияние на философию XX века (через М. Бубера и М. Бахтина).

Бештовские константы таковы: сакральный гуманизм, метафизика поступка, Диалог-Встреча, симха (“радость”). Сакральный гуманизм постулирует сакральность индивидуального начала: Бог и человек – единосущностное целое, и эта общая сущность есть любовь-радость. Метафизика поступка описывается максимами “Все не напрасно” и “Спасти все”, причем постулирует: напрасных усилий не бывает; самое небольшое, тонкое движение человека к свету является решающим, изменяя мир к лучшему. Диалог-Встреча описывается максимами “Все не случайно” и “Все живое”. Константа симха описывает радость приникновения к истинной сущности мира и постулирует: все сущее в мире – Бог, а Бог – это любовь и радость; зло не имеет сущности и настоящей власти над людьми, оно иллюзорно; Рай существует здесь и сейчас; долг человека – сделать это явным, приложив усилия, на духовном уровне в том числе; эффективны чувство радости и смех» (Кушнир 2020с: 51).

Пояснения к терминам: максимы, катарсиальные и обыденные

Гармонизирующие герменевтические максимы бывают двух видов:

1) Катарсиальные герменевтические максимы (они же собственно герменевтические максимы). Их отличительная особенность: воспринимаются мифологическим сознанием как «маленькие откровения»; эксплицитная область их воспитующего воздействия – трансцендентальное, а имплицитная – повседневность.

2) Обыденные герменевтические максимы: воспринимаются мифологическим

сознанием как нечто банальное; но это обыденность, освящаемая мифологическим сознанием «внутреннего ребенка»; они нередко идилличны, но не ощущаются как инсайты-откровения; эксплицитная область их воспитующего воздействия – повседневность, имплицитная – трансцендентальное.

Итак, главное, что отличает катарсиальные, или собственно герменевтические максимы от всех остальных, – это наличие катарсиса, осознаваемого или неосознаваемого, при их восприятии¹. Напомним: «Платон в диалоге «Федон» говорит о философском катарсисе, который открывает философствующему новое измерение реальности. Философия должна постигать истинно сущее, для чего необходимо рассматривать вещи только посредством души» (Степанов 2005: 294).

Очевидно, что мнения исследователей о принадлежности конкретной максимы к одному из этих двух видов могут отличаться. Подобные разночтения при идентификации, как известно, неизбежны в ходе герменевтико-феноменологических исследований. Мы полагаем: самовопрошание исследователя об указанной принадлежности максимы весьма эффективно при ее герменевтическом осмыслении.

Герменевтические исследования мифологического сознания, ранее нами осуществленные, показали: герменевтические максимы представляют собой особую этнокультуральную конкретику, являющуюся одной из важных составляющих нематериального культурного наследия².

Применение модели

Перечислим герменевтические максимы, выявленные в детских и юношеских воспоминаниях Сусанны Кушнир:

1. Универсум таков, что в любом возрасте человек может последовать своим творческим импульсам.
2. Универсум таков, что можно и нужно создавать веселые идиллии, даже самые неожиданные.
3. Универсум таков, что человеческая интуиция сродни божественной спасительной силе.
4. Универсум таков, что любовь к близким помогает человеку выжить, даже когда ради них он голодает.
5. Универсум таков, что он полон притягательной таинственности, и всегда рядом есть надежный проводник.
6. Универсум таков, что высокое предназначение человека может и должно реализоваться, даже если это кажется невозможным.
7. Универсум таков, что любящий человек неразрывно связан с любимым.
8. Универсум таков, что красота вплетается в труд, даже самый, казалось бы,

1 Отметим, однако: такой атрибут обыденной герменевтической максимы, как ее освященность мифологическим сознанием «внутреннего ребенка», находит свое подтверждение в том, что мифологическое сознание читателя не воспринимает ее в качестве дегармонизирующей, скрыто разрушительной. В противном случае максима является дегармонизирующей; яркий пример таковых – те, что собраны Г. Флобером в его «Лексиконе прописных истин».

2 Подробнее см.: (Кушнир 2020b).

от нее далекий.

9. Универсум таков, что каждый человек может сделать что-то важное для искоренения беды и нищеты.

10. Универсум таков, что единичные феномены одаренности и этики иногда превращаются в среду.

11. Универсум таков, что любимое дело окрыляет человека.

12. Универсум таков, что воля помогает преодолеть тяжелые препятствия простыми поступками.

13. Универсум таков, что даже в страшной ситуации человек может остаться собой.

Продemonстрируем рассмотрение одной из максим согласно указанной модели.

Универсум таков, что в любом возрасте человек может последовать своим творческим импульсам

Фрагмент нарратива и комментарии:

«Хайм-Лейб стремился развить свои художественные наклонности, и бабушку Цию, его жену, очень возмущало, что он, отец семейства, посещал художественное училище наряду с “какими-то сопляками”. Мне же очень нравилось, что дед учил меня рисовать всяких зверушек и даже людей. Его коронным номером было изображение двухэтажного дома с трубами и крышей, огороженной решетчатым заборчиком. К дому вела извилистая дорога, а перед ним росло раскидистое дерево. Впоследствии я тоже учила своих детей и даже внука рисовать этот дом...» (Кушнир С. 2016: 5).

Вспоминая Хайм-Лейба, своего деда по матери, и связанные с ним моменты своего детства, мемуарист актуализирует немало смыслов кроме выявленного рассматриваемой максимой. Иными словами, наблюдается интерференция смыслов, которые взаимно обогащают друг друга. И это не случайно. Один и тот же эпизод детства оказывает на человека весьма разнообразное воспитующее воздействие, различные аспекты которого осознаются им лишь постепенно.

На тот момент времени, когда дед учил маленькую внучку рисовать, она, видимо, в основном радовалась открытию, что можно рисованием (творчеством) создать миры «всяких зверушек и даже людей», что эти миры уютны: снабжены жилищем для этих существ, где зимой будет тепло (трубы), а летом зелено благодаря дереву; причем туда можно создать дорогу и даже устранить опасность ненароком свалиться с крыши (решетчатое ограждение). Одновременно, однако, ребенок принял к сведению и другое: бабушка Ция весьма недовольна Хайм-Лейбом за то, что тот, солидный человек, посещал художественное училище вместе с обучавшимися там мальчишками. Едва ли ребенок это специально обдумывал. Но, с точки зрения детского воспринимающего мир сознания, получалось, видимо, следующее.

Творчество интересно и притягательно. А потому очень естественно стремление ему обучаться в любом возрасте. При этом возможно и сильное неодобрение тех, кто в таких вещах мало что понимает. Но подобные мнения нелепы и с ними не стоит считаться.

Как показывает дальнейшая жизнь мемуариста, уроки, явно и неявно полу-

ченные от деда маленькой Сусанной, весьма активно ею использовались. Самое явное их применение, упомянутое буквально в том же фрагменте текста: мемуарист тоже учит своих детей и даже внука рисовать этот дом. А вне указанного фрагмента во всем тексте, включая завершающие строки мемуаров, эксплицитно и имплицитно рассказывается об очень важных последствиях этих уроков устремленности к творчеству. Перечислим главные из них (не говоря уже о том, что внук Сусанны стал профессиональным живописцем, то есть реализовал мечту своего прапрадеда).

Во-первых, Сусанна всю жизнь очень увлеченно и талантливо рисовала, особенно хорошо ей удавались портреты.

Во-вторых, вся ее деятельность по работе была отмечена высокой устремленностью к творчеству, которая воздействовала на окружающих. После окончания Университета и до выхода на пенсию Сусанна Кушнир преподавала русский язык и литературу в Кишиневском базовом медучилище, причем делала это так, что много лет спустя один из учеников сказал ей: «Вы для нас были воплощением русской литературы».

В-третьих, некоторые из ее дарований раскрылись, когда Сусанне Кушнир было за 80, причем не на уровне хобби, а как профессионально востребованные.

Поздравляя ее с юбилеем, редакция еженедельника «Еврейское местечко» пишет: «Журналист, который полностью раскрыл свой талант... после 80-ти лет. Почему так? А потому, что раньше... ну да, обстоятельства не позволяли. В молодые годы Сусанна публиковала статьи в газетах “Советская Молдавия”, “Вечерний Кишинев”, “Наш голос”, в журнале “Кодры” и делала передачи на радио, но только о том, что ей по-настоящему интересно; со штатной работой в прессе тогда это было несовместимо. Зато теперь... почему бы не продолжить любимое дело? У необычного автора наладилось сотрудничество с еженедельником “Еврейское местечко”. Статьи Сусанны Кушнир покоряют своей теплой, раздумчивой интонацией, выверенностью слова. У них есть явные признаки хорошей прозы. Вот и вышла в свет книжка “О них хочется рассказать”, за которую читатели из разных географических широт устно и письменно благодарят автора” (Марьяш 2011). (В 2010 году редакция «Еврейского местечка» присвоила Сусанне Кушнир титул «Автор года»).

И наконец, книга, содержащая рассматриваемые мемуары и не только их («Портреты на фоне времени: евреи Молдовы»), была завершена и опубликована в 2016 году, когда автору было 87 лет.

Смерть, настигшая Сусанну Кушнир в возрасте 89 лет, прервала ее работу над повестью «Карамболина, Карамболетта» – ярким текстом уже не на документальной основе. «Ведь я с детства мечтала о литературе...», – как пишет автор в последней из глав своей мемуаристики.

Итак, о справедливости максимы, которую имплицитно формировал урок, полученный от восприятия личности деда, свидетельствует не только указанный фрагмент мемуаров, но и вся жизнь Сусанны Кушнир.

Бештовские константы, с которыми коррелирует данная максима, это Метафизика поступка и Диалог-Встреча. Напомним: «Метафизика поступка описывается максимами „Все не напрасно” и “Спасти все”, причем постулирует: напрасных

усилий не бывает; самое небольшое, тонкое движение человека к свету является решающим, изменяя мир к лучшему». А Диалог-Встреча содержит максиму «Все не случайно». Покажем, каким именно образом их содержание обогащено конкретикой исследуемой максимы и формирующего ее нарратива.

Диалог-Встреча между Хайм-Лейбом, немолодым кишиневским евреем, и его маленькой внучкой происходит самым обычным образом. Дед учит малышку рисовать. Сам он очень любит рисование, но обучаться ему не мог (в силу материальных обстоятельств) до солидного возраста. Да и тогда это пришлось делать вопреки упрекам жены, отражавшим некий «срез» общественного мнения.

Обычным для того экстраординарного времени образом сложатся и дальнейшие события, происходящие с этой семьей. Хайм-Лейб безвестно погибнет в гетто во время фашистской оккупации; семья его дочери спасется, буквально в последнюю минуту получив возможность эвакуироваться из Кишинева, но много раз подвергшись риску погибнуть и терпя множество тяжких лишений.

Казалось бы, эпизоды с обучением рисовать домик и «закадровыми» неудовольствиями бабушки по поводу деда должны были бесследно кануть в прошлое. Но в данном случае реальность подтвердила действенность константы Метафизика поступка. Поступки Хайм-Лейба, которые, казалось бы, не могли иметь никакого продолжения, многократно и самым благим образом отозвались на судьбе его потомков, подтвердив, что все не напрасно и все не случайно. Даже угнетенность Цили «несолидным» поведением мужа тоже вошла в духовный мир ее внучки как информация о «неправильном» мироощущении.

А исследуемые мемуары – одна из ответных реплик внучки в этом Диалоге-Встрече – имплицитно представляют собой и реализацию установки «Спаси все» бештовской Метафизики поступка.

Рассмотрим, какие из *имплицитных принципов воспитания по Декалогу* коррелируют с данной максимой.

Так, один из этих принципов – «устремленность к тому, чтобы учиться, а также и учить тому, что удалось узнать» – здесь демонстрируют и Хайм-Лейб, и его внучка, и ее внук, получивший специальность живописца.

Максима о том, что в любом возрасте можно следовать своим творческим импульсам, соответствует другому из этих имплицитных принципов, а именно: «Предписание к совершению поступков (на физическом и на метафизическом уровне), устремленных к этизирующей гармонизации Универсума».

Кроме того, с этой максимой коррелирует и следующий принцип: «Гуманизм, в частности понимаемый как дальнейшее осмысление концепции человека в качестве существа абсолютной значимости, сакрального, единосущностного бесконечности». Именно потому, что это качество есть неотъемлемый атрибут человека, настолько приветствуется его следование своим творческим импульсам в любом возрасте.

Данная максима о творчестве контекстуально обогащает и содержание принципа «Ощущение полной свободы (предписано именно то, чего по сути хочешь сам)».

Говоря о *максимах конструктивной философии*, коррелирующих с рассма-

триваемой герменевтической максимой, мы упомянем высказывание Николая Бердяева:

«Творчество для меня не столько оформление в конечном, в творческом продукте, сколько раскрытие бесконечного, полет в бесконечность; не объективация, а трансцендирование. Творческий экстаз (творческий акт всегда есть *extasis*) есть прорыв в бесконечность» (Бердяев 1990: 196).

Собственно, именно такой полет и обозначен как самой герменевтической максимой, так и нарративом, ее формирующим.

Соотнесем максимум и со словами Эриха Фромма, которые, полагаем, уточняют, чем является та бесконечность, куда устремлен подобный прорыв:

«Добро состоит в том, что мы все более приближаем наше существование к нашей истинной сущности, зло состоит в постоянно возрастающем отчуждении между нашим бытием и нашей сущностью» (Фромм 2014: 107).

Это соотнесение приводит к выводу, который и очевиден, и несколько парадоксален.

Добро имманентно человеку (в частности таковы и творческие устремления, воплощающие его сущность); но парадоксальным образом требуется воспитание, в достаточной мере информирующее его об этом, чтобы он мог адекватно актуализировать свою имманентную устремленность. Катарсическую роль такой информации может, полагаем, сыграть и ознакомление с герменевтическими максимами – «точной» квинтэссенцией жизненного опыта других людей.

Итак, этнокультуральное исследование нарративов по данной интерпретативной модели дает возможность осуществить их разноаспектное осмысление.

Литература

Cușnir J. The Concept of Humanization of Myth as a Polydisciplinary Innovative Structure. In: *Un-Bordering Disciplinarity. Trans-/Cross-/Post-Disciplinary Approaches to Linguistic and Literary Research*. II Edition. Conference proceedings. Milano: Redidiva Edizioni, 2019, pp. 35-48.

Cușnir J. The Megamodern Epoch: Developing the Concept of the Meaning. In: 6th Central and Eastern European LUMEN International Scientific Conference NASHS2019. Program & Working Papers. Iași: Editura LUMEN, 2019a, pp. 34-35.

Бердяев Н. Самопознание (опыт философской автобиографии). Москва: МО, 1990.

Кушнир Ж. Выявление «герменевтических максим» как инновационный вклад этнологии в развитие концепта «новый гуманизм в XXI веке» (ЮНЕСКО). In: „Patrimoniul cultural: cercetare, valorificare, promovare”: Materialele conferinței, Ediția a 12-a, Chișinău, 28-29 mai 2020, V. Ghilaș, A. Dolghi (coord.). Chișinău: Institutul Patrimoniului Cultural, 2020, vol. I, p. 300-307.

Кушнир Ж. Декалог в аспекте работы мифологического сознания. In: *Intertext*, 2020a, nr. 3/4 (55/56), pp. 18-28.

Кушнир Ж. Исследование мемуаристики по этнологической модели «Осмысление герменевтических максим»: аспект «нового гуманизма в XXI веке» (на примере мемуаров А. Лабунского). In: *Culegere de articole și materiale ale conferinței*

științifice internaționale „Patrimoniul cultural de ieri – implicații în dezvoltarea societății durabile de mâine” (2020; Chișinău). Yesterday’s cultural heritage – implications for the development of tomorrow’s sustainable society, Condratcova L. (editor). Iași-Chișinău, 2020b, pp. 309-314.

Кушнир Ж. Мегамодерн как система транслируемых интеркультуральных смыслов. В: Intertext, 2019, nr. 3/4 (51/52), pp. 82-92.

Кушнир Ж. Традиции воспитания у евреев Республики Молдова: теоретические предпосылки исследования. In: Tradiții și procese etnice. Materialele Simpozionului de Etnologie: Tradiții și procese etnice. Ediția I, 6 octombrie 2020, N. Grădinaru (coord.). Chișinău: Institutul Patrimoniului Cultural, 2020, с.45-53.

Кушнир Ж. Триада эстетический смысл-мимесис-катарсис. In: Revista de Etnologie și Culturologie, 2008, vol. 4, p. 183-188.

Кушнир Ж. Феномен гуманизации мифа в интеллектуальной прозе XX века. Chișinău: Pontos, 2017.

Кушнир С. Семейный портрет в кишиневском пейзаже. В: Кушнир С. Портреты на фоне времени: евреи Молдовы. Chișinău: IpD, 2016, p. 5-113.

Марьяш И. Поздравляем с юбилеем! В: Еврейское местечко, 2011. – dorledor.info (ссылка не работает; статья цитируется по архиву автора).

Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды: Москва: Издательство «Весь Мир», 1997.

Степанов С. Популярная психологическая энциклопедия. Москва: Эксмо, 2005, с. 294. – <https://psychology.academic.ru/887/%D0%BA%D0%B0%D1%82%D0%B0%D1%80%D1%81%D0%B8%D1%81> (vizitat 21.06.2021).

Франкл В. Воля к смыслу. Москва: Апрель-Пресс, Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000.

Фромм Э. Душа человека. Революция надежды. Москва: АСТ, 2014.

Сведения об авторе: Jozefina Cușnir, doctor habilitat, cercetător științific coordonator, Institutul Patrimoniului Cultural

e-mail: cushnir.j@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5125-2070>